



СТАЛИНСКИЕ ПРЕМИИ ГЕОЛОГАМ. ЧАСТЬ II. ОТКРЫТИЯ В ЗЕМЛЕ СИБИРСКОЙ. ПЕРВОСТЕПЕННОЕ ЗОЛОТО

В. Ф. Свинын

Статья из цикла о Сталинских премиях за геолого-разведочные работы на территории Сибири посвящена истории открытия и освоения «золотой Колымы» в 1928–1946 гг. События этих лет, наряду с романтикой первых Колымских экспедиций Ю. А. Билибина и В. А. Цареградского, включают и создание на юго-востоке страны своеобразного гулаговского «монстра» – треста «Дальстрой», и становление геологии россыпных месторождений золота, и резкие повороты в судьбах людей, посвятивших свою жизнь освоению этого сурового края. Высказываются также соображения о том, почему открытие месторождений полезных ископаемых далеко не сразу стало объектом внимания соответствующего Комитета по Сталинским премиям.

Ключевые слова: Сталинские премии за выдающиеся изобретения и коренные усовершенствования методов производственной работы, Яно-Колымская золотоносная провинция, первые Колымские экспедиции, Ю. А. Билибин, россыпное и рудное золото, трест «Дальстрой», Э. П. Берзин, промышленное освоение юго-востока СССР

STALIN PRIZES TO GEOLOGISTS. PART II. DISCOVERIES IN SIBERIAN EARTH. PRIME GOLD

V. F. Svinin

The article of a series about the Stalin Prize for geological exploration in Siberia is dedicated to history of «The gold Kolyma» discovery and development in 1928–1946. The events of those years, along with the romanticism of the first Kolyma expeditions of Yu. A. Bilibin, V.A. Tsaregradskiy, include the creation both the peculiar Gulag «monster» – «Dalstroy» trust in the south-east of the country, and establishing of gold placers geology, and the sharp changes in fates of people, devoted their lives to the exploration of this harsh land. There are also thoughts about the question of why the discovery of minerals did not become immediately the object of regard of the relevant Stalin Prizes Committee.

Keywords: Stalin Prizes for outstanding inventions and radical improvements of production job methods, Yana-Kolymskaya gold-bearing province, A. Bilibin, placer and stream gold, «Dalstroy» trust, E.P. Berzin, minable exploration of the USSR south-east.

Если месторождения нет, то откуда ему здесь взяться? А если есть, то куда ему отсюда деться?

Старая геологическая поговорка

Открытие – это вам не изобретение!

Геологическая наука – вещь серьезная и важная. Но государство ценит своих геологов прежде всего за то, насколько успешно применяют они свою науку для решения задач практических, из которых самая важная – обеспечивать страну разведанными запасами разных полезных ископаемых. На экономическом языке это называется формированием минерально-сырьевой базы. Поэтому большая часть профессиональных геологов занята именно этим: планированием и проведением геолого-разведочных работ (ГРР). С успехов геологоразведчиков и начинается, собственно, вся цепочка производств в большинстве отраслей экономики.

Ко времени учреждения Сталинских премий в 1939 г. геолого-разведочная служба Советского Союза уже прошла определенный путь становления и развития, причем путь очень непростой,

ФГУП «СНИИГГиМС» (Новосибирск)

изобиловавший как серьезными административно-ведомственными пертурбациями, так и конфликтами многих заслуженных ее сотрудников с дореволюционным стажем (попавших в разряд «бывших») со всяческими надзорными и недоброжелательными органами.

Среди активных недоброжелателей в так называемом «Деле Геолкома» [5] был, увы, и наш знаменитый академик, основатель советской школы нефтяной геологии И. М. Губкин. Он и стал в 1932 г. руководителем вновь созданного Главного геолого-разведочного управления (ГГРУ) при Наркомтяжпроме СССР. С этого времени административное руководство геологической службой страны окончательно переместилось из Петербурга-Ленинграда в Москву. Но научно-методическим центром отрасли по-прежнему оставался в Ленинграде Геолком, переименованный к тому времени в ЦНИГРИ (ныне ВСЕГЕИ). Именно по инициативе его руководства в 1926–1931 гг. были предприняты шаги, предопределившие не только судьбу многих советских геологов, прославившихся открытиями в земле сибирской (и ставших за это лауреатами Сталинской премии), но и, как выяснилось, всю дальнейшую историю точных районов СССР.



Там же, в Ленинграде, в знаменитом Горном институте (ЛГИ)¹ стараниями тех самых «бывших» профессоров к концу 1920-х гг. уже созревали грамотные кадры молодых геологов-энтузиастов, рвущихся к профессиональным подвигам. Для геолога это, прежде всего, стремление туда, где еще не ступала нога его коллег.

В Советском Союзе таких «белых пятен» (в геологическом смысле) было немало. Самое большое располагалось на самом северо-востоке Сибири (восточнее бассейна р. Индигирка и севернее истоков р. Колыма) и занимало площадь более 2 млн км², причем территорию эту (административно относившуюся в 1926 г. частью к Дальневосточному краю, частью – к Якутской АССР) не везде можно было считать даже географически правильно закартированной. О богатствах этого края (в первую очередь, о золоте) ходили самые невероятные слухи, но достоверных источников и в этом отношении было крайне мало. Неудивительно поэтому, что еще в начале 1920-х гг. в студенческом научном кружке ЛГИ возникла сибирская секция. На ее заседаниях, несомненно, уже обсуждались планы будущих первоочередных разведочных маршрутов.

Но пока основатель секции студент Юрий Билибин только готовился в 1926 г. защищать диплом, в район Индигирки отправился по заданию не упраздненного еще Геолкома известный уже геолог Сергей Владимирович Обручев, сын знаменитого академика. Его экспедиция ставила перед собой не столько геолого-разведочные, сколько общегеологические и географические цели. Поэтому в состав экспедиции входил 21-летний студент-геодезист К. А. Салищев – в будущем крупный ученый в области картографии. В результате карта этой части страны претерпела серьезную корректировку: опорные точки горных хребтов и гидросети бассейнов Индигирки и Колымы заняли современное положение, причем по отдельным рекам «уточнение» достигало 200 км, а самым неожиданным оказалось открытие неизвестного науке большого горного хребта, рассекаемого глубоким ущельем долины Индигирки. Позже по предложению С. В. Обручева открытому хребту было присвоено имя Ивана Дементьевича Черского – геолога-самоучки, направленного сюда с экспедицией Российским географическим обществом и умершего в 1891 г. во время сплава по верховьям р. Колыма.

В 1929–1935 гг. С. В. Обручев с К. А. Салищевым предприняли еще ряд экспедиций, в результате которых не только были окончательно установлены орография и гидрография Колымско-Чукотского края (рис. 1), но и собраны коллекции образцов и другие материалы чисто геологиче-

ского характера. Их анализ в лабораториях ленинградских институтов стимулировал развертывание дальнейших, уже целенаправленных геолого-разведочных действий. В частности, они были начаты на прибрежных участках северных морей Геологическим управлением Главсевморпути, куда в 1932 г. перешел работать С. В. Обручев. Открытию промышленных месторождений способствовали участники этих экспедиций в разные годы – В. И. Серпухов, М. И. Рохлин, В. Н. Милаев, Б. Н. Ерофеев и др.

В свою очередь, вчерашний студент Ю. А. Билибин, проявив чудеса напористости и красноречия, сумел добиться в 1928 г. от руководства треста «Союззолото», контролировавшего добычу золота старательскими артелями по всей стране, финансирования экспедиции в верховья Колымы (под эгидой того же Геолкома) с конкретными целями – поиск золота, а в 1929–1935 гг. он вовлек в эти путешествия своих товарищей по сибирской секции студенческого кружка В. А. Цареградского, Е. Т. Шаталова, Д. В. Вознесенского, а также новых друзей из треста «Алданзолото», где он работал после распределения из ЛГИ, Б. И. Вронского, С. Д. Раковского, П. М. Шумилова, Э. П. Бертена.

В 1929 г. полевые пути Сергея Владимировича Обручева и Юрия Александровича Билибина пересеклись на берегу одной из излучин Колымы. Выяснилось, что их взгляды на золотоносность очень протяженного по длине и немалого по ширине участка (от верховий Колымы на северо-запад к среднему течению Индигирки) вполне совпадают. Эту их точку зрения Билибин и изложил с полной убежденностью в 1931 г. в своей докладной записке, которая затем была рассмотрена на самых высоких правительственно-хозяйственных уровнях. Решения были приняты вполне серьезные, в том числе и в плане дальнейшего расширения территории поисков. Число поисковых партий росло, и их работа была успешной. Можно сказать, что принципиальная задача по выявлению новой громадной золотоносной, а затем и оловоносной провинции на северо-востоке страны была решена к 1936 г. Это было подтверждено на первой Колымской геолого-разведочной конференции в пос. Оротукан, а также несколькими правительственными экспертными комиссиями. Главные участники событий, несомненно, заслуживали высоких правительственных наград.

Сталинские премии (СП) в производственно-технической (или, если угодно, народно-хозяйственной) области ежегодно присуждались, как известно, отдельными постановлениями СНК, которые носили витиеватое название: «О присуждении Сталинских премий за: а) выдающиеся изобретения и б) коренные усовершенствования методов производственной работы». Обратимся только к одной (пока) строчке из такого Постановления от 27.01.1946 – за 1943–1944 гг. (рис. 2).

¹ С 1918 г. кадры для геолого-разведочной отрасли начали готовить и в Московской горной академии, но ее структура к началу 1930-х гг. еще не сформировалась.



Рис. 1. Гидрографическая и орографическая схема района работ первых Колымских геолого-разведочных экспедиций (из книги [2])

И возникает ряд вопросов. Первый: почему за выдающееся достижение, имевшее место еще в первой половине 1930-х гг., Сталинская премия присуждается в 1946 г., да еще относит это достижение к 1943–1944 гг.? Ведь самое первое присуждение премий за заслуги в производственной сфере было еще в марте 1941 г. Почему же тогда не наградили? Ведь главное свое открытие эти геологоразведчики к тому времени уже сделали.

Еще вопросы: к какому из подпунктов Постановления – а (за выдающиеся изобретения) или б (за коренные усовершенствования методов производственной работы) – следует отнести достижения геологоразведчиков? Почему именно эти люди из очень большого числа геологов, участвовавших в указанных «открытиях и исследованиях», попали в число лауреатов?

Точного ответа мы теперь уже никогда не получим. Но некоторые разумные предположения, опираясь на другие сопутствующие факты, можно сделать.

Сначала самые общие соображения. Вполне возможно, что в соответствующем комитете по СП в первые годы вполне буквально восприняли критерии, по которым следовало присуждать премии за достижения в сфере производства. А поскольку открытие месторождения полезного ископаемого при всей своей важности не является ни изобретением, ни методической или технической

разработкой, то и премий этим геологоразведчикам, видимо, вообще «не светило». И действительно, в Постановлениях 1941–1943 гг. фамилии геологоразведчиков почти не встречаются (есть несколько премий как раз за методические разработки, в частности геофизикам Г. А. Гамбурцеву и В. С. Воюцкому за новые методы сейсморазведки). Лишь в 1943 г. премии II степени удостоился коллектив бакинских геологов за открытие новых месторождений нефти. Что касается колымчан, то и орденами и медалями их в этот период (до 1946 г.) награждали не слишком щедро (кроме разве что В. А. Цареградского).

Несправедливость такого положения была осознана лишь в годы войны, когда руководству страны пришлось на практике убедиться, что без сырья, в данном случае минерального, производство не только к инновациям не способно, а невозможно в принципе. В 1944 и 1945 гг. (соответственно за 1943 и 1944 гг.) премии не присуждались. Почему – не столь важно, так решил главный учредитель – и всё. Не до того, наверное, было. Зато 1946 г., когда Сталинские премии присуждали и за двухлетие 1943–1944 гг. (в январе), и за 1945 г. (в июле), ознаменовался появлением сразу 11 коллективных лауреатов за открытие новых источников минерального сырья, причем шесть из них – I степени. В этих списках, кроме колымско-чукотских геологоразведчиков, значи-

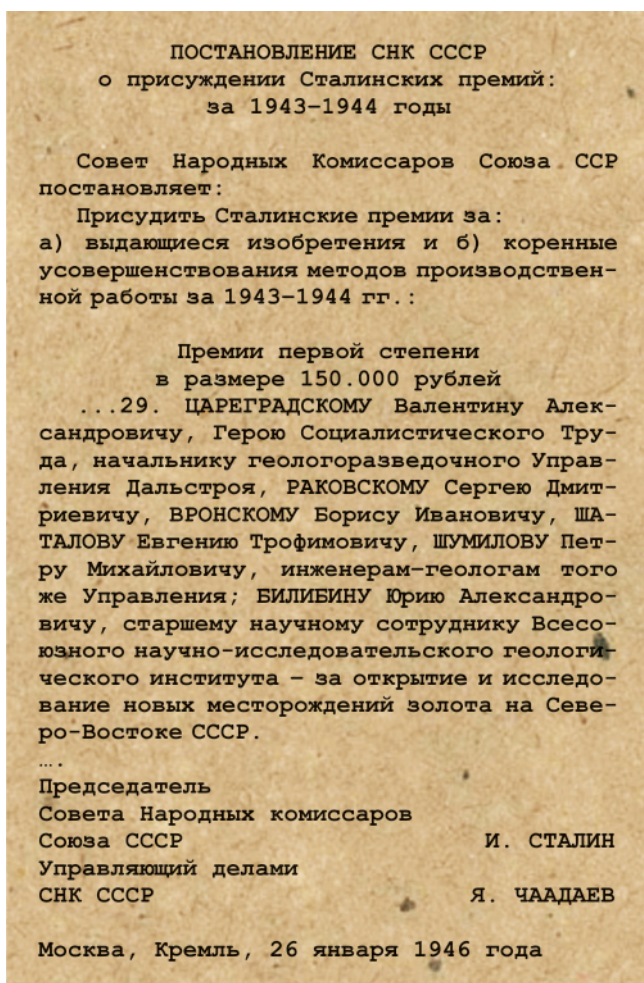


Рис. 2. Выписка из Постановления СНК СССР от 26.01.1946 о присуждении Сталинских премий: за выдающиеся изобретения и коренные усовершенствования методов производственной работы за 1943–1944 гг.

лись также их коллеги с Дальнего Востока, Урала, Средней Азии и «Второго Баку». В последующие годы такие присуждения стали уже регулярными. Всего за 1943–1952 гг. «первооткрывательские премии» получили 52 коллектива геологоразведчиков, а лауреатами стали более 350 человек¹.

И все же при желании члены Комитета СП в области изобретательства могли усмотреть аналогию между открытием месторождения и техническим изобретением. Ведь всякое реализованное изобретение проходит стадию умозрительных построений, только потом воплощенную физически. Геологу-поисковику тоже вначале что-то «мерещится», затем, найдя первые признаки или образцы, он строит в уме некие модели и на практике проверяет их. Первоначальные надежды могут подтвердиться, а могут и нет, как не всякое техническое изобретение удастся реализовать

¹ Без учета геологов, ставших лауреатами за открытие урановых месторождений. В этих случаях Сталинские премии, строго говоря, не присуждались; специальными секретными постановлениями отличившимся работникам (не только геологам) присваивались звания *лауреатов СП*, но система *премирования* там была другая.

«в металле». Так что, по крайней мере, «несостоявшиеся» изобретения и открытия очень похожи. Значит, и состоявшиеся – друг с другом близкие родственники.

Ответ на вопрос – почему именно эти, а не те? – вообще может быть вполне тривиальным: с наградами и премиями всегда так – кому-то не дают заслуженное, кому-то дают незаслуженное. Аппаратные игры – вещь неустраиваемая. Но это в обычных ситуациях в обыкновенные времена. Но в нашем случае ни время, ни место нельзя назвать нормальными. Для того чтобы представить себе подоплеку дел, событий и человеческих судеб в этих краях, приведшую к такому итогу, необходимо хотя бы в общих чертах рассказать об уникальном пространственно-временном феномене, который имел официальное название «Государственный трест по промышленному и дорожному строительству в районе Верхней Колымы» (оно со временем изменилось), но более известен под сокращенным и неизменным – Дальстрой.

Блеск и нищета Дальстроя

Говорят, что ничто не рождается на пустом месте. Так и в нашем случае предпосылки к образованию Дальстроя надо искать еще в дореволюционных временах. Забрели сюда, на Колыму, одиночные старатели, набившие руку на приисках Лены и других сибирских рек, а из «образованных» – ссыльный народоволец Юрий Янович Розенфельд, направленный в 1908 г. на берега Охотского моря предприимчивым благовещенским купцом Шустовым, к которому он после отбытия трех лет каторги на Акатуе устроился приказчиком. Старатели не открывали месторождений, а ловили удачу, у Розенфельда же и вовсе формально была другая задача: найти приемлемые для купеческих дел пути от промысловых поселений в глубине материка к Охотску на побережье. Но, побродив по таежным тропам в компании со старателями, Розенфельд тоже проникся золотоискательским интересом. В отличие от старателей он кое-что в геологии понимал, а свои наблюдения и находки фиксировал. Кроме случайных россыпей, ему удалось наткнуться и на зигзагообразные линии золотоносных кристаллов на выходах жильных пород. Розенфельд назвал эти следы «гореловскими молниями» – по имени одного из легендарных, якобы удачливых старателей.

Не без проблем выбравшись из негостеприимных колымских мест, Розенфельд вынес оттуда твердую уверенность, что золото на Колыме искать надо, причем не усилиями старателей-одиночек, а путем организации серьезной профессиональной экспедиции. Он горел желанием привлечь внимание официальных органов к своему проекту, в котором, естественно, и сам хотел участвовать, о чем неоднократно составлял подробные записки и направлял их в различные ин-



Рис. 3. Памятная стела на Ольском берегу, установленная в честь Первой Колымской геолого-разведочной экспедиции

станции. Но ни в петербургском Геолкоме в 1913 г., ни у временных правителей Петрограда в 1917-м, ни у властей недолговечной Дальневосточной республики в 1920-м ответного интереса он не вызвал. Революционные и последующие события заставили Юрия Яновича уgomониться: к концу 1920-х гг. он был уже человеком в возрасте. О нем на время забыли (но в определенный момент вспомнили).

Один из вариантов записки Юрия Розенфельда попал и к молодому геологу Юрию Билибину. По сути дела, начать реализовывать мечты Розенфельда выпало ему. Первая Колымская экспедиция под его руководством была организована уже по всем правилам: кроме самих геологов (Ю. Билибина и В. Цареградского) в нее входили двое опытных разведчиков-практиков (Э. Бертин и С. Раковский), геодезист (Д. Казанли), врач, завхоз, полтора десятка рабочих (в том числе несколько тоже с экспедиционно-старательским опытом) и якуты-проводники. Историческая высадка на берег Колымского края возле села Ола состоялась 4 июля 1928 г. Ныне там установлена памятная стела (рис. 3).

Первые шаги по неизведанному краю всегда сопряжены с трудностями и опасностями. За два сезона билибинцы испытали их в полной мере. Колыма с ее притоками красива, но коварна. Мало

экстремальных природных условий, так еще приходилось «собачиться» за дефицитные местные ресурсы (лошадей, например) с представителями «Союззолота», уже организовавшими тут добычу силами старателей на единственной и не сильно богатой россыпи на руч. Безымянный. Ее годом раньше обнаружил и «застолбил» удачливый старатель Филипп Поликарпов, который на местных тропах вполне мог пересекаться еще с Ю. Розенфельдом. А Москва уже «спускала» план по добыче колымского золота, причем там фигурировали тонны, тогда как реальная годовая добыча в 1928–1929 гг. исчислялась десятками килограммов. Находки Первой Колымской позволили расширить фронт работ и увеличить добычу в несколько раз. Это были уже не разговоры об общих перспективах, а реальный продукт, что разжигало аппетиты начальства. Во Второй Колымской экспедиции (1930–1931), возглавляемой В. Н. Цареградским, работу вели уже не три отряда, как в Первой, а шесть поисковых партий, обеспеченных химической лабораторией. Да еще и контора «Союззолота» образовала свое геолого-поисковое бюро (одним из его руководителей стал С. Раковский). Но хотя появлялись все новые участки для добычи, рост ее в 1931 г. существенно замедлился. Причиной тому были тяжелейшие условия работ и их плохая организация, попросту говоря, хозяйственная, а часто и административная неразбериха. Иными словами, сигналы на верхний уровень принятия решений шли не только от Ю. А. Билибина и С. В. Обручева, но и от местных властей (а к этой территории, напомним, имели отношение и якутские, и владивостокские власти).

И вот тут сыграл роль один геологический (геолого-экономический, если угодно) фактор. Если бы в билибинском «Плане развития геолого-разведочных работ на Колыме» (а он обещал к 1938 г. обеспечить страну колымскими запасами золота, вчетверо превышающими всю общую текущую добычу, – смелый был человек!) все перспективы связывались только с россыпями (между нами, сам Билибин так и считал), то вряд ли события развивались бы столь стремительно. Но Первой экспедицией в районе р. Среднекан (правого притока Колымы) была обнаружена еще и рудная жила (дайка). Причем самые первые взятые из нее образцы оказались очень богатыми, и предварительная оценка запасов на их основе давала впечатляющую цифру (да еще при том, что Билибин сознательно уменьшил содержание золота в образце в несколько раз). Для освоения территории только с приисковыми промышленными объектами капиталовложения в инфраструктуру (дороги, электростанции, жилье и др. – всё с нулевого уровня) представлялись малоэффективными. Другое дело – крупный рудник: понятно, куда вести дорогу и линии электропередачи, как развивать производство: обогатительная фабрика, металлургический комбинат и т. д.

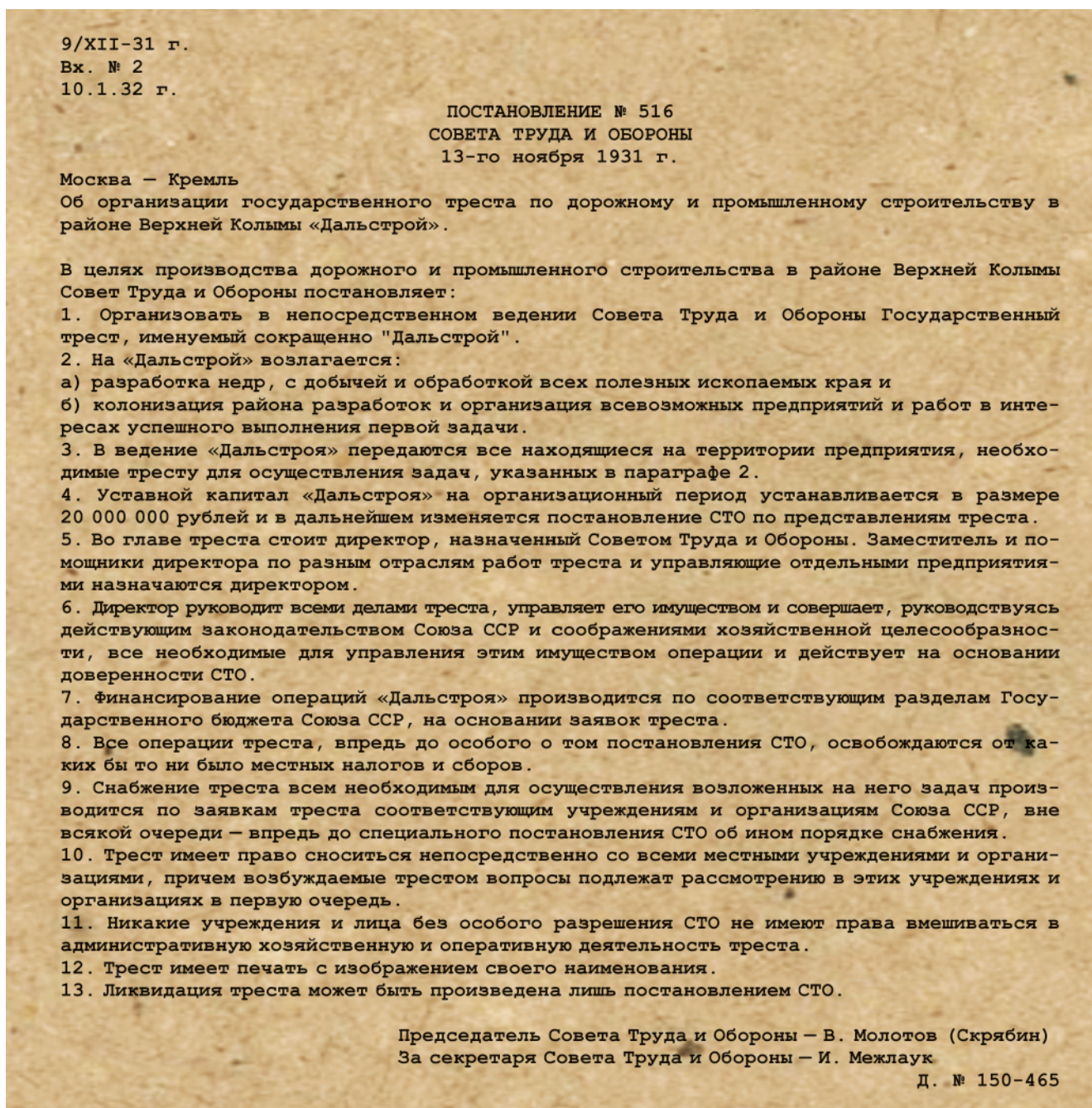


Рис. 4. Постановление Совета Труда и Обороне № 516 «Об организации государственного треста по дорожному и промышленному строительству в районе Верхней Колымы „Дальстрой“»

И решение было принято. Первым в ряду основополагающих документов было закрытое постановление ЦК ВКП(б) от 11.11.1931 с кратким заголовком «О Колыме», подписанное лично И. Сталиным. Главными в нем были следующие слова:

«Для формирования золотодобычи в верховьях Колымы образовать специальный трест с непосредственным подчинением ЦК ВКП(б). Наблюдение и контроль за деятельностью треста возложить на т. Ягуду. Для непосредственного руководства всей работой треста назначить директором тов. Берзина с пребыванием его на месте.

Предложить тов. Берзину в 3-х дневный срок представить на утверждение СТО устав организующего треста.

Установить ориентировочно следующую программу добычи золота: к концу 1931 г. — 2 тонны; 1932 г. — 10 тонн и в 1933 г. — 25 тонн».

Далее в сорока пунктах перечислялось детально все, что необходимо сделать для организации треста. Через два дня вышло уже официальное постановление Совета Труда и Обороне № 516 «Об организации государственного треста по дорожному и промышленному строительству в районе Верхней Колымы «Дальстрой» (рис. 4).

Следующий документ был тоже секретным (рис. 5). И наконец, чтобы окончательно установить порядки в Дальстрое и закрепить его особое положение среди всех административных и ведомственных образований в СССР, понадобилось

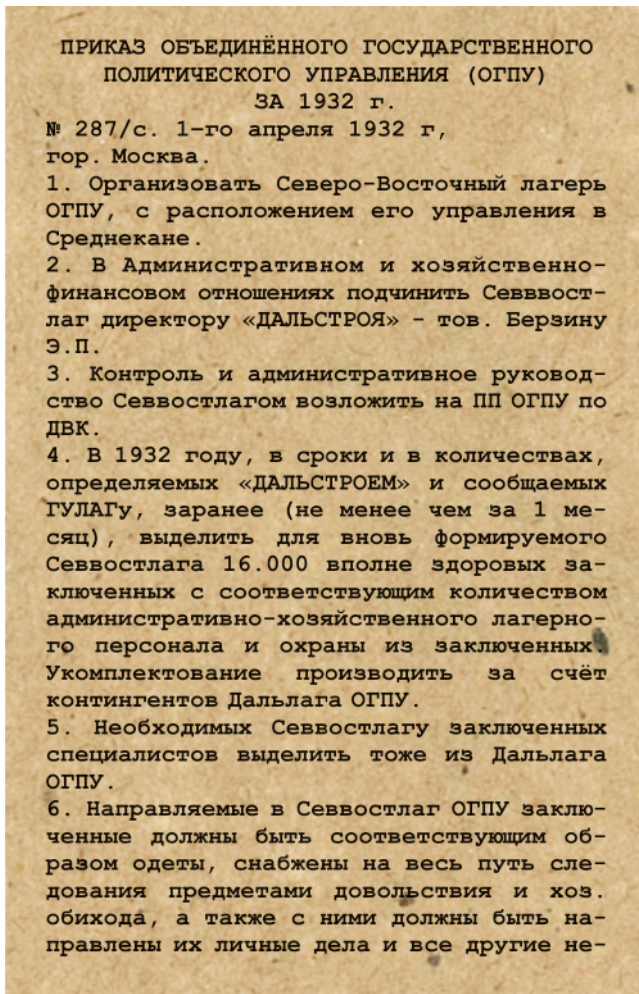


Рис. 5. Выписка из приказа ОГПУ о создании Северо-Восточного лагеря (Севвостлага) и выделении Дальстрою первого контингента заключенных

еще одно секретное постановление Политбюро, подписанное Сталиным (рис. 6).

Так со Среднеканской дайки началась история треста «Дальстрой» и его постепенная экспансия на близлежащие территории (рис. 7), где геологи, руководствуясь ориентирами, данными Ю. А. Билибиным, открывали все новые и новые месторождения – россыпные (в основном) и рудные. Уже через год, однако, выяснилось, что как раз эта дайка промышленной не является: внутренние ее участки содержали мало золота, т. е. фактически она оказалась не открытием, а как будто была специально (пусть и неумышленно) изобретена, чтобы дать начало Дальстрою.

Знакомство с приведенными документами позволяет сделать вывод, что на окраине страны появилась образование, где фактически не действовала Конституция, а все партийные, советские, силовые, тем более хозяйственные органы починались одному единственному лицу – директору треста. Он же подчинялся лишь непосредственно ЦК ВКП(б). И даже всемогущий Г. Ягода был формально для Э. Берзина не начальником, а лишь контролером.

Площадь, на которую распространялась власть Дальстроя, за 1932–1941 гг. расширилась

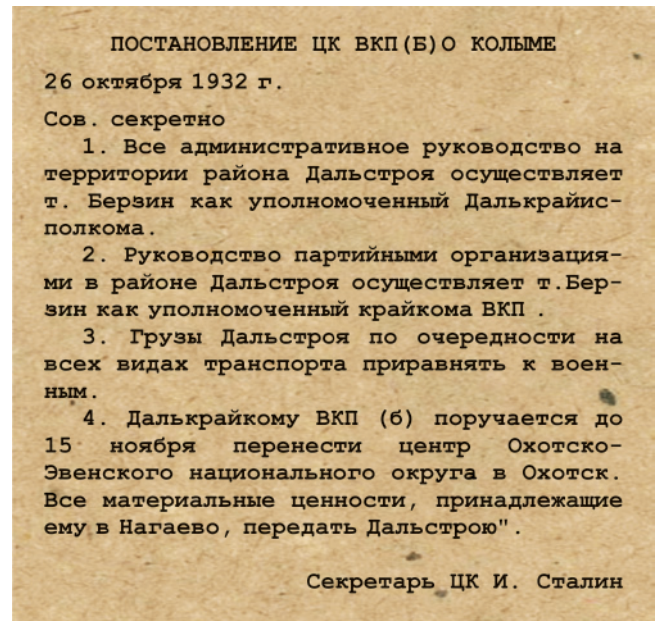


Рис. 6. Второе постановление ЦК ВКП(б) «О Колыме»

с 450 тыс. км² (примерно, территория нынешней Магаданской области) до более чем 2250 тыс. км². Население здешних мест с появлением треста сразу стало резко расти. С самого начала (и до самого конца) оно делилось на два неравных «контингента»: вольнонаемных и заключенных. Неравными они были в обоих смыслах – количестве и социально. Зато между ними всегда существовала «миграция», правда, тоже очень неравновесная. Ориентировочные цифры для довоенного периода таковы [4] (рис. 8): в 1932 г. вольнонаемных было 3125 человек, а заключенных 9928, в 1935 г. – 5700 и 44600, в 1938 г. – 19452 и 93928, а в 1940 г. – 39743 и 176685 человек соответственно.

До сих пор мы не говорили о природно-климатических условиях края, но этого разговора не избежать, поскольку большинство населения Дальстроя трудовые будни проводило на так называемых наружных работах (строительство, горные выработки, та же геологоразведка). Приведем некоторые цифры из книги [3].

Экстремальность природных условий в верховьях Колымы и Индигирки выглядит достаточно впечатляюще:

- среднегодовая температура в верховьях Колымы и Индигирки –24 °С.
- средняя температура января в бассейне р. Колыма –36 °С;
- средняя температура января на дне долин в верховьях р. Индигирка –48 °С;
- абсолютный минимум температур в районе Оймьякона –71 °С;
- абсолютный максимум температур (в июле) +36 °С.

В остальных местах не так прохладно. Например, в створе Колымской ГЭС (пос. Синегорье) среднегодовая температура воздуха –12 °С, средняя температура января

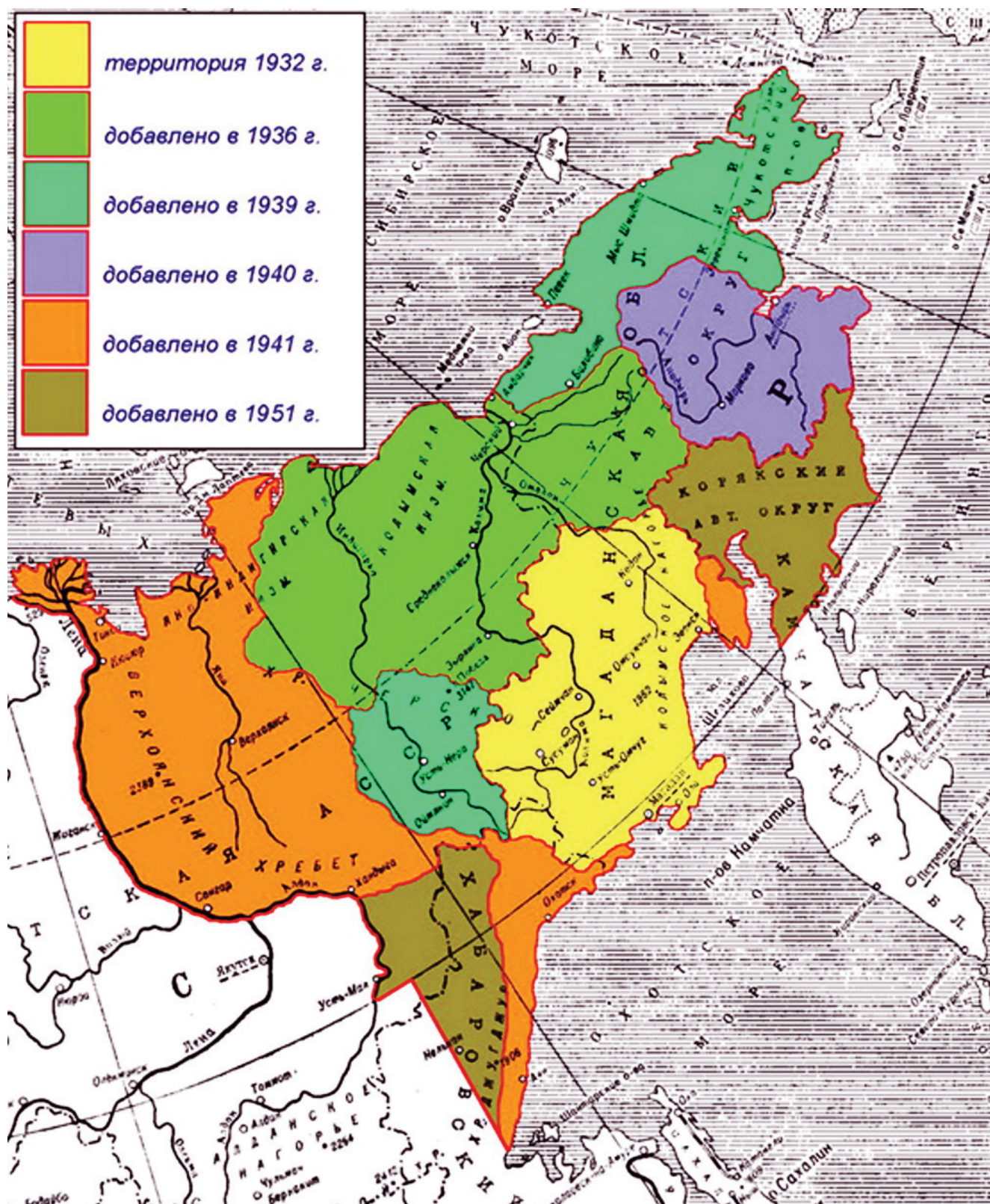


Рис. 7. Карта территории Дальстроя и ее изменений в 1932–1951 гг.

–38 °С, июля +15 °С. Абсолютный минимум температур –61 °С, абсолютный максимум +36 °С. Годовая амплитуда (разность максимума и минимума температур) 97 °С.

На Охотском побережье еще «теплее» (средняя годовая температура в Магадане –4,7 °С), но место «гнилое»: частые туманы летом, холодные сырые бризы.

К низким температурам следует прибавить ветер. Среднегодовая скорость ветра 1,5 м/с. Преобладающие направления – западное и восточное. Максимальная наблюдаемая скорость 34 м/с. К числу неблагоприятных природных явлений следует отнести также туманы, метели и гололед.

Продолжительность холодного периода отражена в частушке:

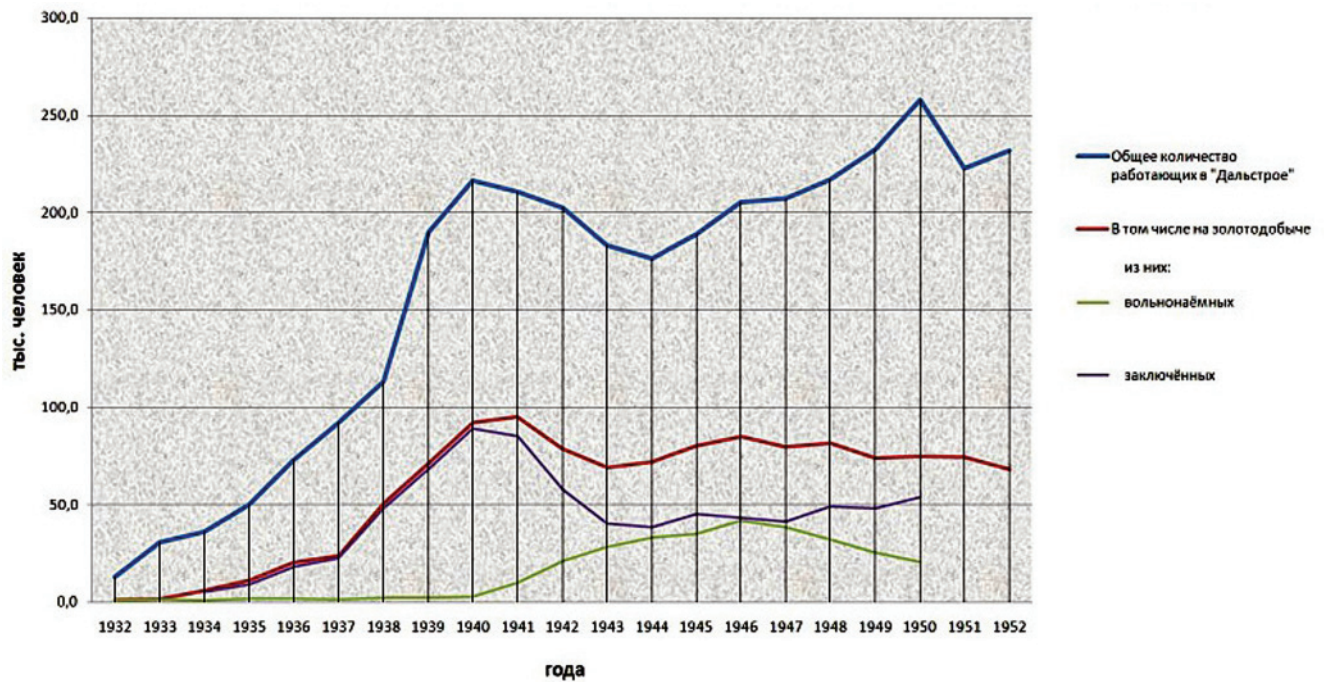


Рис. 8. Динамика численности работающих в Дальстрое в 1932–1952 гг.

*Колыма, Колыма,
Чудная планета
Десять месяцев зима,
Остальное лето.*

Летом же свои неприятности – зной, гнус.

Так что жить и работать здесь даже для вольнонаемных работников было тяжело. Что же говорить о эках, которые составляли большинство населения. Их численность по годам изменялась следующим образом [5]: На 12.1932 – 11100 чел., на 01.01.1935 – 36313, на 01.01.1938 – 90741, на 01.01.1941 – 179041, на 01.01.1943 – 998437; на 01.01.1946 – 69389, на 01.01.1950 – 131773.

Вот цифры сухой и печальной статистики. По данным из архивов НКВД всего за 1932–1953 гг. (то есть за время фактического существования Дальстроя) в его лагеря (Севвостлаг) было завезено 740434 человека. Затем доставка заключенных на Колыму была незначительной, а в последние годы прекратилась. Из них после окончания срока убыло 546972 человека, бежали из мест заключения 7877, умерли 127792. Было расстреляно около 10000 человек, причем из них около 8000 человек в 1937–1938 гг. После смерти И. В. Сталина началась так называемая бериевская амнистия. Из Севвостлага было освобождено 76 тыс. человек, или 53 % от общей численности заключенных.

Для многих представляет интерес, каково среди заключенных было соотношение «чистых» уголовников и репрессированных, т. е. осужденных по политическим статьям УК РСФСР. Есть основания полагать, что на Колыме процент политических был выше, чем в среднем по ГУЛАГу (10–12 %) и в некоторые годы доходил до 50 %.

Условия жизни – вообще существования – в Дальстрое зависели не только от «милостей» природы, но и, в силу предельной централизации

власти, от фигуры руководителя. Наименее жестким (для эков) считается период 1932–1937 гг. – время директорства Э. П. Берзина¹ (1893–1938).

Эдуард Петрович был личностью, безусловно, неординарной, и потому заслуживает более подробного рассказа. Георгиевский кавалер Первой мировой войны, в 1918 г. он, как командир дивизиона латышских стрелков, сыграл важную роль в подавлении небезызвестного «заговора послов»; с 1921 г. – кадровый чекист, с 1929 г. – на хозяйственной работе. Своей неограниченной властью Берзин пользовался достаточно адекватно, считая главной целью не «стирание заключенных в лагерную пыль» (как потом многие из его коллег), а действительно решение хозяйственной задачи – создание их руками на пустом месте нового золотодобывающего района. Разумеется, относительная мягкость лагерных порядков при нем объяснялась не гуманными побуждениями, а тем, что хозяйственная жилка заставляла его рачительно относиться к имеющимся ресурсам, в том числе и к рабочей силе. Практически все работающие з/к были расконвоированы. Существовали твердые нормы на питание заключенных (не столь уж сильно, кстати, отличавшиеся от таковых для вольных), нормы выработки и порядок учета «трудовых успехов», поощрения в виде зачетов и дополнительных пайков, нормальная продолжительность рабочего дня и т. п., заключенным выплачивалась часть зарплаты. Побег, расстрелы,

¹ Э. П. Берзина (правильно – Берзинша) не следует путать ни с легендарным Я. К. Берзиным – тоже чекистом, создателем Главного разведывательного управления (ГРУ) РККА, руководившим деятельностью Рихарда Зорге и «Красной капеллы», ни с Э. П. Бертиным, прорабом-разведчиком первых колымских экспедиций и личным другом Ю. Билибина.



волнения в лагерях случались, но сравнительно редко. При Берзине большая часть з/к после освобождения добровольно оставалась на Колыме. «Берзиновским» порядкам отдавал должное даже такой безапелляционный обличитель ГУЛАГа, как Варлам Шаламов. Вот только с Ю. А. Билибиным отношения у Эдуарда Павловича не сложились, и вместе они проработали недолго.

Б. И. Вронский (один из лауреатов) описывает две встречи первых геологоразведчиков с Э. П. Берзиным.

Рассказ о встрече в 1932 г. (начало Дальстроя) [1]:

«...Он рассказал нам о той огромной ответственной задаче, которая возложена на Дальстрой, – вызвать к жизни, пробудить от вековой спячки огромную территорию Северо-Востока нашей Родины. Для этого нужны колоссальные денежные, материальные и людские ресурсы. Среднеканское золоторудное месторождение с его огромными потенциальными запасами золота является основой для покрытия этих затрат, поэтому на форсированную разведку его надо обратить самое серьезное внимание.

Россыпному золоту Берзин придавал гораздо меньшее значение, но считал, что и оно как добавочный фактор будет играть определенную роль и им также надо всерьез заниматься.

Особое внимание он уделил рабочей силе. Освоение такой огромной территории требует очень большого количества рабочих и инженерно-технических работников. Даже при многочисленных льготах, которые правительство намечает ввести для работников Дальстроя, нельзя рассчитывать на разрешение этой проблемы. Поэтому здесь будут организованы крупные исправительно-трудовые лагеря. Он сказал, что в скором времени сюда начнет прибывать эта рабочая сила, в том числе и инженерно-технические работники. Многие из них являются крупными специалистами и будут занимать командные должности. Он особенно подчеркнул, что мы ни в коем случае не

должны чем-либо показывать, что они находятся на особом положении: „На работе вы должны относиться к ним так, как если бы они были вольнонаемными. Однако, с другой стороны, во вне рабочее время вам не следует заводить с ними слишком близких взаимоотношений. Первое я приказываю, второе прошу учесть“».

А вот рассказ об открытии первой Колымской геологической конференции в 1936 г. (им Вронский заканчивает свою книгу):

«Конференцию открыл директор Дальстроя Э. П. Берзин. В своем выступлении он заявил, что вексель, выданный Билибиным, полностью оплачен и что хотя рудное золото не играет на Колыме существенной роли, зато россыпное превзошло все ожидания.

...Он говорил о самоотверженной работе геологов, о том, что наметившаяся тенденция ежегодно удваивать золотодобычу становится славной традицией, поскольку геологи выявляют все новые и новые перспективные золотоносные площади, разведка которых дает положительные результаты и позволяет развивать золотодобычу в нужных масштабах.

...Он стоял на трибуне, взволнованный и гордый, полный веры, энтузиазма и широких планов на будущее, не подозревая, что где-то незримо для него и для всех нас сгущаются мрачные, тяжелые тучи ближайших лет – лет, которые окажутся трагическими и для него, и для многих, многих других и темной тенью надолго лягут на нашу жизнь...»

В 1935 г. Берзин был награжден орденом Ленина, в апреле 1937 г. ему присвоили высшее в хозяйственных службах РККА звание дивизионного интенданта, в декабре 1937 г. он был арестован, обвинен в контрреволюционном заговоре и в августе 1938 г. расстрелян. Реабилитирован в 1956 г. Жители Магадана, основателем которого считают Берзина, сочли правильным в 1989 г. установить в центре города его бюст (рис. 9, в).

Зато период 1937–1939 гг. был самым кровавым. Преемник Берзина К. А. Павлов именовался



Рис. 9. Путь чекиста: а – первый директор Дальстроя Эдуард Петрович Берзин; б – эмблема Дальстроя; в – памятник Э. П. Берзину в Магадане



уже не директором, а начальником, а Дальстрой перешел в ведение НКВД. Двухлетие ознаменовалось многочисленными расстрелами заключенных, арестами среди работников, а иногда и неожиданными их освобождениями. Порядки в лагерях ужесточились, рабочий день увеличился до двенадцати часов (и таким оставался до конца ГУЛАГа). Военное время, как и везде, было самым напряженным, поток з/к на Колыму сильно сократился, а ответственность за выполнение планов усилилась. И. Ф. Никишов руководил Дальстроем дольше всех (1939–1948). Он отличался барскими замашками и стремлением управлять вверенным ему контингентом в основном с помощью угроз и наказаний. При его правлении в 1944 г. случился визит на Колыму вице-президента США Генри Уоллеса. Видимо, поставляя по ленд-лизу военную технику, США хотели убедиться, что у СССР хватит золота, чтобы потом расплатиться. От «потемкинских приисков», организованных Никишовым, Г. Уоллес был в восторге (колючая проволока и вышки с «вертухаями» были убраны, роли рудокопов исполнял переодетый младший состав войск НКВД). В первые послевоенные годы в лагерь хлынул поток заключенных, прошедших войну, развернулась кровавая война «сук и воров», участились побег, дисциплина упала, снизилась и добыча золота, несмотря на то что именно в это время началась поставка на Колыму хоть какой-то горнодобывающей техники (драг, бульдозеров). До этого на всех добывающих карьерах Дальстроя господствовала одна технология – мускульная; никаких электростанций поначалу не было, энергию вырабатывали движки, а поскольку топливо экономили, то на отдельных приисках производственные затраты по статье «электричество» равнялись нулю.

Последние два начальника Дальстроя каких-то приметных воспоминаний о себе не оставили, существование треста клонилось к закату. Может показаться, что, описывая историю возникновения и порядки в Дальстрое, мы слишком уклонились от основной темы статьи. Но в том-то все и дело, что эту ситуацию можно считать квинтэссенцией всей политики «кнута и пряника», применяемой режимом Сталина для достижения, в общем-то, очевидных политических и экономических целей – индустриализации в предвоенный период, победы в войне и восстановления хозяйства после нее. Методы почти всегда были жестокими и бесчеловечными, а конкретные решения – часто рискованными и даже нереальными для выполнения. Многие весьма затратные проекты так и «повисли в воздухе» (первая БАМ, Заполярная магистраль и др.).

Что в этом смысле можно сказать об итогах проекта «Дальстрой»? Если отвлечься на минуту от правовых и моральных оценок, то надо признать, что результаты были впечатляющими. В суровом краю, на пустынном месте возник реально

действующий горно-промышленный район, дающий самую дефицитную в это время для страны продукцию. Там появилось несколько сотен промышленных предприятий, в том числе десятки россыпных приисков и несколько рудников, первые автодороги, электростанции, линии электропередач и связи, многие другие приметы цивилизации. А главное, уже к 1946 г. было добыто более 600 т химически чистого золота и более 26 тыс. т не менее важного для советской промышленности олова (в концентрате). Потом к ним добавились вольфрам, кобальт и уран. Пик золотодобычи был достигнут в 1940 г. – 80 т (что составляло около половины общего объема по стране), но и во время войны этот показатель был на уровне 70–75 т/год. Цифры запасов из-за значительной динамики ввода одних и выработки других месторождений все время менялись, но всегда шли в рост, и даже к 1957 г. – году ликвидации Дальстроя – они и по золоту, и по олову остались значительными.

Все увеличения и расширения происходили вследствие новых открытий и прогнозов геологоразведчиков. Начав с нескольких колымских ручьев, они за весь дальстроевский период освоили площадь около 2 млн км². Общий прогноз, данный на самой ранней стадии разведки, подтвердился полностью. Фраза Э. Берзина об «оплаченном векселе Билибина» вошла в историю Колымы. Это был тот случай, когда люди обещали золотые горы в буквальном смысле и не обманули. До 1946 г. отдельные текущие успехи некоторых из них отмечались орденами, почетными грамотами и прочими знаками внимания. Но, видимо, когда власти в полной мере осознали причинно-следственную связь между именами нескольких геологоразведчиков и понятием «Дальстрой», им и дали самую престижную коллективную награду – Сталинскую премию I степени. Собственно, формулировку «за что», данную в постановлении (см. рис. 2), можно было заменить краткой: «за Дальстрой».

Сегодня можно смело утверждать, что открытие Колымской и Чукотской золотоносных и оловоносных провинций в эпоху Дальстроя сыграло в экономике страны ту же роль, что и открытие западносибирской нефти в 1960-е гг. Нельзя забывать о цене этого успеха – десятки тысяч сломанных и загубленных человеческих судеб, но необходимо помнить и о тех людях, которым судьба дала возможность в полной мере проявить на этом поприще свои лучшие профессиональные и человеческие качества. Одна и та же рука подписывала и расстрельные, и наградные листы, правда и о том, и о другом должна быть известна нашим современникам и потомкам в полном объеме. Тем, кто желает ее знать, разумеется.

О тех, кто получал «барские милости» того и другого сорта именно за превращение «медвежьего угла» в «Золотую Колыму», мы более подробно расскажем в следующем номере журнала.



СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Вронский, Б. И.** На золотой Колыме. Воспоминания геолога [Текст] / Б. И. Вронский. – М. : Мысль, 1965.

2. **Галченко, И. И.** Геологи идут на Север [Текст] / И. И. Галченко. – М. : Сов. Россия, 1958.

3. **Гордон, Л. А.** «Золотая» Колыма: Герои не нашего времени [Текст] / Л. А. Гордон. – СПб. : Алетей, 2010.

4. **Зеляк, В. Г.** Пять металлов Дальстроя: История горнодобывающей промышленности Северо-Востока в 30–50-х гг. XX в. [Текст] / В. Г. Зеляк. – Магадан : Маг. фил. Ин-та управления и экономики, 2004.

5. **Репрессированные геологи** [Текст] / Гл. ред. В. П. Орлов ; отв. ред. Л. П. Беляков, Е. М. Заблоцкий. – 3-е изд., испр. и доп. – М. ; СПб., 1999.

© В. Ф. Свиньин, 2013

ГЕОЛОГИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ ФГУП «СНИИГГиМС»



ПРОВОДЯТСЯ ТЕМАТИЧЕСКИЕ ЭКСКУРСИИ:

- Нефть и газ Сибири
 - Чем занимается геология
 - Цветные камни Сибири
 - Полезные ископаемые Сибири
 - История геологического изучения Сибири



ПОСТОЯННО ДЕЙСТВУЮТ ЭКСПОЗИЦИИ:

- Минерально-сырьевые ресурсы
- Минералы
- Самоцветы
- Искусственные кристаллы
- Древние флора и фауна Сибири



Отдел обработки и хранения каменного материала
Завотделом Ю. А. Чульжанов
Тел. 335-71-41, e-mail: chul@sniiggims.ru